

ДИСКУРСИВНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО КОНЦЕПТА «ДОСТОИНСТВО»

Н.П.Певная

Тбилиси, Грузия

Summary: The concept of dignity is a basic linguistic notion in the Russian linguistic consciousness. As a basic concept it is part of the «cultural species» category. Correlation between this concept and the moral concepts of «honor», «respect», «integrity» is established. The article lays bare the elements of its discursive description.

Данная статья является продолжением исследования этического концепта «*достоинство*» в русской языковой картине мира [см.: Вардзелашвили, Певная 2009]. Этимологический, диахронический, словообразовательный и концептуальный анализ выявил, что структура абстрактного концепта «*достоинство*» генерирована прототипическим сценарием *путь* → *цель*, где *путь* – это хронотоп жизни, а *цель* – достоинство: быть достойной личностью независимо от внешних обстоятельств. Достоинство – внешнее проявление внутреннего универсума человека. Заметим, что категория «*достоинство*» содержит эксплицитно/ имплицитно аксиологическую квалификацию: достоинством можно обладать; собственное достоинство можно ронять; достоинство можно уважать, оскорблять, задевать, унижать, попираить; с достоинством говорят, отвечают, ведут себя, держатся [Денисов, Морковкин 1978].

Согласно новейшим лингвистическим подходам, анализ языковой картины мира располагается на стыке лингвистики и других областей гуманитарного знания. В центре этой картины мира находится человек, языковая личность. Поэтому языковая картина мира, оставаясь общим для всего языкового коллектива конструктом, всегда будет преломляться сквозь призму индивидуального видения мира. Именно в этой точке сознания язык становится отражением внутреннего «я», и общее становится индивидуально увиденным, пережитым, осмысленным. Поэтому анализ ключевых (базовых) концептов языковой картины мира был бы неполным без исследования процессов трансформации общего в индивидуальное, что наиболее характерно для художественного дискурса. С этой целью данные, полученные в результате анализа языковых единиц, дополняются информацией, извлеченной из дискурса, что позволяет реконструировать не только элементы языковой картины мира, их семантику, но и специфику ментальных процедур, аксиологические приоритеты, систему этических норм отдельной языковой личности, представителя данного лингвообщества. В современной лингвистике принято считать, что установка на дискурс предоставляет возможность рассматривать значение лексической единицы на уровне пропозиции.

Для целей данной работы остановимся на втором значении лексемы «достоинство», которое в словарной дефиниции представлено следующим образом: «Совокупность высоких моральных качеств. || Уважение этих качеств в самом себе, сознание своей значимости. || Внешнее проявление самоуважения» [СТСРЯ 2002]. Проследим, как связанные с этим концептом общеязыковые ценностные установки, зафиксированные современным русским языком, преломляются в идиостиле популярного современного писателя Б.Акунина. Полученные данные позволят реконструировать авторско-личностную онтологию концепта «достоинство». Обратимся к отобраным примерам:

1. А ещё не забудьте главное японское сокровище, в наших палестинах, увы, очень редкое. Называется «достоинство» (Алмазная колесница).

2. Япония – страна вежливости. Каждый, даже самый бедный, здесь держится с *достоинством*. Для японца нет ничего страшней, чем утратить уважение окружающих (там же).

3. [Фандорин:] ...Ну что ж, изучение родного языка пойдет Яну Казимировичу на пользу. Узнает много полезных вещей. И на «А» – «альтруизм». <...> И на «Б» – «благородство». <...> И на «В» – «верность». <...> И на «Г» – «гармония». <...> И на «Д». (Масе.) Дзинкаку. [Маса:] *Достоинство...* (Инь и Ян).

4. Эк, куда хватили – дуэль. <...> У здешних дворян, если поссорятся, знаете какая дуэль? Садятся на лошадей и хлещут друг друга кнутами по рожам, пока один не свалится. Я же говорю, <...> никакого понятия о *достоинстве* (Алтын-Толобас).

5. Николас был решительным противником проституции, видя в этом постыдном промысле не только рассадник преступности и болезней, но еще и *оскорбление человеческого, прежде всего женского достоинства* (там же).

6. Но мелочиться в эти последние минуты не хотелось, после испытанного разочарования настроение Николаса изменилось – стало строгим и торжественным. *Не суетиться, держаться с достоинством*. Это единственное, что остается человеку на исходе нескладной, глупо прожитой жизни (там же).

7. Азазель – не сатана, мой мальчик. Это великий символ спасителя и просветителя человечества. <...> Человечество давно бы погибло, если б не особые личности, время от времени появлявшиеся среди людей. <...> Благодаря каждому из них человечество делало скачок вперед. <...> Но самый ценный из этих героев – ... *Азазель, научивший человека чувству собственного достоинства* (Азазель).

Обратим внимание на то, что во всех приведенных отрывках слово *достоинство* сопровождается конвенциональными комментариями, в которых автор раскрывает этнохарактерное наполнение концепта-гештальта. Известно, что языковая картина мира каждого народа является отражением национального духа народа, специфики его мировосприятия, о чём, в частности, может свидетельствовать и наличие или отсутствие отдельных концептов, а также их аксиологическая иерархия и взаимосвязь.

В первом отрывке у Б.Акунина дается определение достоинства, принятое в японской ментальности, где вектор оценки направляется предикатами «*главное японское сокровище*», «*в наших палестинах, увы, очень редкое*». Выстраивается логосхема:

«*достоинство*» = *ценность & духовно-культурная & самая & важная & основная & центральная & Япония* → *родной край / Россия & сожаление & горькое & не часто встречается & достоинство*.

Пейоративный эффект ценностных признаков, выделенных автором во второй пропозиции, компенсируются топонимом *Палестина*, в котором латентно присутствует высокая оценка для обозначения родины: *Палестина* → *святые места*.

Пример оценочной иерархии представлен во втором отрывке, в котором показана традиционная для Японии деонтология. Эвристическая процедура выявляет следующие индикаторы, идентифицирующие концепт «*достоинство*»:

«*достоинство*» = *Япония & всё общество & предупредительность & высокие моральные качества & страх & утрата & ~ уважение*.

Индивидуально-авторская семантическая, аксиологическая модель концепта «*достоинство*» представлена в третьем отрывке:

«*достоинство*» = *забота о других & высоконравственность & великодушные & открытость & надежность & внутреннее согласие*.

Как представляется, на этом примере можно проследить, как в идиолектной шкале ценностей автор трансформирует нормированные русским лингвосообществом ценностные установки. В рассматриваемом эпизоде языковое выражение определяет субъективное суждение автора, его мнение по поводу объекта суждения, понятия «*достоинство*», в котором выражается личностная концептуальная система писателя. При сравнении со словарной дескрипцией лексемы в авторском толковании очевидно расширение данного понятия.

В четвёртом и пятом отрывках прослеживается корреляция понятий «*достоинство*» → «*честь*». Причиной дуэли, как правило, бывало оскорбление достоинства – человеческого, воинского и т.п., и делом чести являлась его защита – вызов на дуэль, на поединок. Условия оговаривались заранее: сражаться, используя огнестрельное или холодное оружие. Однако авторское «*хлестание друг друга кнутами по рожге*» нарушает конвенциональный дуэльный этикет, принятые социальные нормы. Это – отсылка-код. Она свидетельствует о недостойном поведении в ситуации, суть которой – защита достоинства и чести; на языковом уровне «*нарушение*» проявляется в использовании коннотативных элементов *хлестать*, *кнут*, *рожа*, не входящих в семантические классы «*дуэль*» и «*дворянство*». Представим авторское суждение в виде последовательности:

«*достоинство*» & *защита & дворянин & оскорбление* = «*дуэль*» = *хлестать & кнут & рожга & ~ достоинство*.

В этих отрывках фиксируется и гендерное наполнение анализируемого понятия. Для русской культуры отличительными критериями женского и девичьего достоинства и чести являются скромность, чистота, целомуд-

рие, что противоречит понятию «проституция». Выстраивается логосхема:

«проституция» = позор & ремесло & нарушение закона & унижение & ~ достоинство.

Концептуальный анализ шестого примера выявил в нем прототипический сценарий *путь → цель*:

«достоинство» = ~ суетиться & последний & отрезок & момент существования.

Логика анализа седьмого отрывка требует обращения к философскому наполнению понятия «достоинство». В категории достоинства аккумулируется представление о ценности личности, выражающее общественную и индивидуальную шкалу нравственных качеств человека, которая по наполнению и характеру аналогична понятию «честь» и коррелирует с категорией *совесть*, выражающей основную способность личности «к моральному самоконтролю» [ФЛ 1987]. Это суждение может быть представлено в виде следующей схемы:

«достоинство» = моральное сознание & совесть & честь.

Однако возможны ситуации, когда основные ценностные категории трансформируются. Например, если они сформировались в границах маргинальной группы, объединенной общей системой идей и взглядов, собственным представлением о ценностных категориях и приоритетах. Хронотоп романа «Азазель» связан с периодом 70-80 гг. XIX века, эпохой возникновения революционных, анархических, террористических организаций. В романе за серией странных событий стоит тайная организация, имеющая разветвленную структуру и своих адептов в государственных и финансовых институтах, в сфере искусства, науки. Эта организация использует методы насилия, шантажа, террора. Идеолог и руководитель этой организации, леди Эстер, называет своих воспитанников Азазелями. Это – образованные, талантливые люди, которые ставят своей целью «осчастливить» мир в соответствии с собственными представлениями о благе. Согласно религиозно-мифологическому описанию, Азазель – демон – в Библии «упоминается только в контексте описания “дня искупления”. В апокрифической “Книге Еноха” Азазель выступает как падший ангел, совратитель человечества, своего рода негативный культурный герой...», богоборец [Мифы народов мира 1991: 50]. «И Азазел научил людей делать мечи и ножи, и щиты, и панцири, и научил их видеть, что было позади их, и научил их искусствам...» [Ветхозаветные апокрифы 2001: 26]. Обращение к библейским, античным мотивам в современной литературе чаще всего является способом выделения коллизии. В рассуждении леди Эстер Азазель представляется как «герой». Как видим, здесь происходит оценка согласно внутренней установке персонажа, в границах субъективной нормативной системы, противоречащая принятым этическим нормам:

«достоинство» = Азазель & знание & сила & власть

Авторское, индивидуальное всегда органически связано с поиском единственно верного языкового воплощения. Именно через язык реализуется личностная концептосфера пишущего и его личностная аксиологическая система. Выстраивая абстракцию концепта «достоинство» в идио-

лекте Б.Акунина, можно вывести следующие пять сегментов, микрополей смысла:

- 1) *национальный* (см. примеры 1, 2);
- 2) *онтологический* (3);
- 3) *социально-гендерный* (4, 5);
- 4) *прототипический* (6);
- 5) *субъективно-аксиологический* (7).

Проведенный анализ подтверждает, что базовые концепты, ключевые слова языковой картины мира – это, прежде всего, системные единицы. Как члены системы они вступают в системные отношения с другими ее членами. При этом отношения могут устанавливаться не только на основании прямых связей с референтом. Концепты – это «ячейки культуры», которые отражаются в языке. Поэтому их содержание раскрывается на фоне общего культурного контекста. Художественный дискурс высвечивает новые ракурсы в освоенном понятии, раздвигая его границы.

ЛИТЕРАТУРА

- Вардзелашвили, Певная 2009 – *Вардзелашвили Ж., Певная Н.* Концепт «достоинство» в русской языковой картине мира (лексикографическое и дискурсивное описание) // Материалы международной конференции «Национальный корпус языка в вариантах и инвариантах». Батуми, 2009.
- Ветхозаветные апокрифы 2001 – Ветхозаветные апокрифы. СПб., 2001.
- Денисов, Морковкин 1978 – *Денисов Н.П., Морковкин В.В.* Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978.
- Мифы народов мира 1991 – Мифы народов мира. Энциклопедия, т. I. М., 1991.
- СТСРЯ 2002 – Современный толковый словарь русского языка под редакцией С.А.Кузнецова. СПб., 2002.
- ФЛ 1987 – Философский словарь. М., 1987.